

Японо-иранские отношения в послевоенный период: «ближневосточная дилемма» для Японии

Бушуева Анна Сергеевна

Аспирант кафедры востоковедения, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76). E-mail: bushueva.a.s@my.mgimo.ru

Аннотация

После Исламской революции 1979 г. Иран не изменил свою политику по отношению к Японии, которая не только воспринималась в отрыве от Запада, но и была для него крупным сырьевым покупателем и потенциальным экономическим донором. В свою очередь, Японии приходилось проводить в отношении Ирана политику неустойчивого балансирования, координируя свою ближневосточную политику со своим стратегическим союзником Соединёнными Штатами и одновременно пытаясь сохранить тесные связи с Ираном, важные с точки зрения обеспечения энергетической безопасности. В статье показано, каким образом Япония пыталась лавировать между этими двумя странами: она предпринимала шаги по реализации крупных экономических проектов в энергетическом секторе Ирана, ограничению санкций, которые были с её стороны минимальными и т.д., и одновременно участвовала в антииранской кампании стран Запада, проводившейся под давлением со стороны США или под влиянием крупных потрясений в регионе (например, ирано-иракской войны). С описанной выше «ближневосточной дилеммой» Япония продолжает сталкиваться и на современном этапе. Отчасти её могло бы разрешить подписание Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе в 2015 г., если бы два года спустя при администрации президента США Д. Трампа не произошло значительное ухудшение американо-иранских отношений. Впрочем, в этот период Япония успешно опробовала свой посреднический потенциал, воспользовавшись хорошими отношениями с обеими сторонами конфликта: с одной стороны, она отказалась участвовать в операции США в Ормузском проливе, с другой – поставила на паузу разморозку иранских средств в своих банках, заблокированных после введения санкций администрацией президента США Д. Трампа. Фактором риска для

ближневосточной политики Японии стала в последнее время активизация в регионе Китая, который стремится воспользоваться ослаблением позиций США и занять образовавшийся вакуум, о чём свидетельствует подписание в марте 2021 г. соглашения о всеобъемлющем партнёрстве между Пекином и Тегераном. Это подталкивает Японию к целенаправленному укреплению своих позиций в Иране и расширению там своего присутствия. Как представляется, подходы Японии к решению «ближневосточной дилеммы» заслуживают особого внимания и в дальнейшем.

Ключевые слова: японо-американский альянс, «ближневосточная дилемма», японо-иранские отношения, ирано-иракская война, внешняя политика Японии

Введение

Отношения между Ираном и Японией в XX в. ограничивались в основном поставкой энергоресурсов и некоторыми инвестиционными проектами в нефтеперерабатывающей отрасли. Экономическая заинтересованность друг в друге позволяла странам сохранять тёплые политические отношения. При этом в Иране в послевоенный период сохранялся в целом позитивный образ Японии как страны, у которой не было «империалистического» опыта на Ближнем Востоке. Этот образ оставался неизменным даже несмотря на то, что к началу 1980-х гг. Япония стала, по выражению тогдашнего премьер-министра Японии Я. Накасонэ, «непотопляемым авианосцем» Соединённых Штатов, а в ирано-американских отношениях после Исламской революции 1979 г. сохранялась постоянная напряжённость. Свою роль играло и то, что после Второй мировой войны Япония заявила о себе как о пацифистском государстве, которое было готово оказывать экономическую помощь другим странам, не выдвигая при этом никаких политических условий. В свою очередь, для Японии роль и место Ирана в её внешнеполитических приоритетах определялись его значением как важнейшего партнёра в рамках стратегии обеспечения энергетической безопасности, с учётом наличия там четвёртых по величине в мире запасов нефти и вторых по величине запасов природного газа. Даже обострение ирано-американских противоречий после Исламской революции не смогло оказать существенного влияния на определяемую этим значением качественную сторону японо-иранских отношений.

Однако после Исламской революции японо-иранские отношения неоднократно проходили испытание на прочность: помимо объективной турбулентности в регионе (связанной, в частности, с ирано-иракской войной 1980-1988 гг.), тормозящим фактором выступала необходимость для Японии балансировать между собственными экономическими интересами и интересами безопасности, обусловленными союзом с США. Тем не менее, развитие японо-иранских отношений в послевоенный период показывает, что Япония не стремилась сделать однозначный выбор, предпочитая разрешать «ближневосточную дилемму» путём уравнивания стратегических связей с Вашингтоном и энергетических с Тегераном.

Эту ситуацию демонстрируют усилия Японии с целью не допустить чрезмерного санкционного давления на Иран в ходе ядерного кризиса в 2006 г., а также попытки Токио «помирить» ИРИ и США после очередной эскалации в 2018 г. По объективным причинам Японии в обоих случаях не удалось выполнить эту историческую миссию, однако во втором случае визит премьер-министра Японии Абэ Синдзо в Тегеран для встречи с иранским лидером Хасаном Роухани в 2019 г. стал важным шагом на пути к развитию японо-иранских отношений, способствовавшим цели достижения мира и стабильности в регионе Персидского залива.

В отечественной и зарубежной литературе ирано-японские отношения косвенно освещены через призму японо-американских отношений [Yoshitsu 1981], в рамках работ по энергетической дипломатии Японии [Богатуров 1988; Арутюнян 2008; Enayat 1994; Takahashi 2005] и по ближневосточной политике Японии [Miyagi 2008], а также исследований по современным японо-иранским отношениям [Nukii 2015; Добринская 2021].

Целью данной статьи является анализ японо-иранских отношений в послевоенный период через призму «ближневосточной дилеммы», заключающейся в том, что Япония была вынуждена балансировать свои связи со своим стратегическим союзником Соединёнными Штатами и связи с Ираном, важные с точки зрения обеспечения энергетической безопасности. Статья разделена на два хронологических блока: первый касается периода с 1951 по 2012 гг., когда Япония, обретя внешнеполитическую субъектность, формировала и развивала свою ближневосточную политику в процессе осмысления собственных национальных интересов, второй охватывает последний период, начавшийся с возвращением в 2012 г. к власти кабинетов Абэ Синдзо, провозгласившего новую ближневосточную политику. Исследовательский вопрос можно поставить следующим образом: как Япония решала проблему «ближневосточной дилеммы» в своих отношениях с Ираном на разных этапах исторического развития?

Формирование вектора развития японо-иранских отношений в послевоенный период

После подписания Сан-Францисского договора в 1951 г. Япония приступила к восстановлению своих утраченных в результате поражения в войне международнополитических позиций в рамках нового политического курса, направленного на реабилитацию международного имиджа и развитие внешнеэкономической деятельности. В то время как восстановление экономических и тем более дипломатических отношений со странами Юго-Восточной и Восточной Азии проходило нелегко, учитывая груз исторических проблем, связанных с милитаристской политикой Японии в регионе, с Ближним Востоком трудностей возникало существенно меньше.

Иран и Японию связывает долгая история. Впервые иранцы и японо-персидский обмен упоминались в хронике «Анналы Японии» (Нихон Сёки) 720 г. Кроме этого, по мнению некоторых учёных, влияние Персии прослеживается в памятниках японской культуры эпохи Нара (710-794). Отношения стремительно развивались после реставрации Мэйдзи, а в 1929 г. между странами были установлены дипломатические отношения, и в 1955 г. открылось посольство в Тегеране [Добринская 2021, с. 30-31].

По мере экономических успехов у Японии появлялись и необходимые ресурсы для оказания помощи экономическим программам ближневосточных стран, только вступившим на путь самостоятельного развития. Япония представлялась им идеальным партнёром - политически ненавязчивым, непротиворечивым и к тому же не имевшим ранее своих колоний на Ближнем Востоке, что выгодно отличало её от большинства стран Запада.

В послевоенный период связи Японии с Ираном с самого начала развивались преимущественно в экономической сфере. В двусторонней торговле ключевой позицией была нефть, которая составляла 98,2 % иранского экспорта в Японию. В 1958 г. Японию посетил иранский шах Мохаммед Реза Пехлеви, а в октябре 1960 г. Тегеран посетила супруга японского императора¹. В это же время по инициативе иранской стороны между двумя странами обсуждалась разработка японскими компаниями нефтяных месторождений. В 1969 г. Токио посетил

министр иностранных дел Ирана Ардешир Захеда, который заявил на встрече с премьер-министром Японии Сато Эйсаку (1964-1972), что сам «Шахиншах хотел, чтобы Япония занялась разработкой [иранских] месторождений» [Abdoly Keivan 2017-2018, p. 153].

Два года спустя было достигнуто соглашение о разработке японским консорциумом компаний нефтяного месторождения в провинции Лорестан. Однако проект оказался неудачным, за ним последовал другой крупный совместный проект по строительству нефтехимического завода (НРС) под руководством Национальной иранской нефтяной компании (NIOC) и Мицуи. К 1978 г., когда внутри Ирана стала нарастать политическая напряжённость, строительство было завершено на 85 %.

Справедливым будет отметить, что благодаря энергетической дипломатии Токио у двух стран появился шанс выстроить прочные экономические, а в перспективе - и политические отношения. Однако возможность эта была упущена ввиду недостаточной осведомлённости иранской стороны об особенностях японской экономики, структуре мирового энергетического рынка, а также международной ситуации [Abdoly Keivan 2017-2018, p. 155]. Кроме того, перспективный проект IJPC оказался под угрозой на фоне резко изменившейся внутривнутриполитической ситуации в самом Иране.

Внутриполитическая нестабильность в Иране накануне Исламской революции затронула важнейший для иранской экономики нефтяной сектор, на предприятиях начались массовые забастовки. В связи с этим премьер-министр Японии Фукуда Такэо (1976-1978) посетил в сентябре 1978 г. Тегеран с официальным визитом, в ходе которого стороны выразили удовлетворение нынешним состоянием отношений и высказали намерение развивать энергетическое сотрудничество, в том числе и по проекту IJPC - символу двусторонних отношений. Однако вскоре и рабочие комплекса присоединились к антишахским выступлениям.

После провозглашения 1 апреля 1979 г. Исламской республики Иран и установления там откровенно антизападного режима новое правительство в Тегеране стремилось сохранить наметившуюся при шахе позитивную динамику в двусторонних отношениях с Японией, которая, как отмечалось выше, не

1. [Исламская республика Иран. Основные данные] // Министерство иностранных дел Японии: официальный сайт. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/iran/data.html> (дата обращения: 01.07.2021).

ассоциировалась в его глазах с Западом. Правительство Японии в свою очередь посчитало для себя рациональным укреплять отношения уже с новым режимом ввиду того, что возвращение Исламской Республики к монархии казалось маловероятным². В Токио оставались опасения по поводу дальнейшей судьбы проекта IJPC, ради которого страну в своё время посетило 4 тыс. японских чиновников. Однако под процедуру национализации попали все зарубежные предприятия, но не японский проект UPC [Enayat 1994, р. 370-378]. Уже 5 марта 1979 г. ПРИ осуществила первые поставки нефти в Японию.

Работа над комплексом вскоре возобновилась, однако в ноябре 1979 г. произошёл инцидент с захватом американских заложников в посольстве в Тегеране. Эта ситуация до предела обострила уже сложившуюся «ближневосточную дилемму» для Японии, состоявшую в выборе между своим ключевым союзником и стратегически важным партнёром³. Стоит отметить, что Япония продолжала импортировать иранскую нефть даже несмотря на введение Соединёнными Штатами эмбарго в связи с захватом американского посольства в Тегеране (в 1979 г. импорт из Ирана составлял 15 % от общего объёма поставок в Японию) [Того 2005, р. 302]. В мае 1980 г, после шести месяцев сложных переговоров с США, Япония была вынуждена ввести экономические санкции против Ирана, хоть и минимальные - на кону была судьба нефтекомплекса IJPC. Впрочем, начавшаяся в августе того же года ирано-иракская война окончательно подвела черту под проектом: место расположения нефтехимического комплекса находилось лишь в 100 км от границы с Ираком [Enayat 1994, р. 380]. Во время войны многие объекты комплекса, а также имущество использовались в военных целях. К тому же в результате атак иракской авиации один из участков UPC был повреждён - в глазах японских партнёров проект постепенно утрачивал свою экономическую целесообразность. Тем не менее, надежды возобновить его оставались ещё долгое время - официальное закрытие проекта состоялось только в 1990 г. [Enayat 1994, р. 392].

Ввиду обострения ситуации в Ормузском проливе и Персидском заливе Япония не могла оставаться в стороне от

2. [Глава 2: Революция в Иране, кризис с заложниками в посольстве США в Тегеране и ирано-иракская война] // Японский институт международных отношений (JIIO). 2006 г. https://www2.jiio.or.jp/pdf/resarch/h17_afghanistan/h17_afghanistan04_Chapter2.pdf (дата обращения: 02.07.2021).

3. Географическое положение Ирана, а также место ИРИ в японском импорте энергоресурсов и инвестиционном экспорте позволяло для Японии определить эту страну как своего стратегически важного партнёра.

конфликта между Ираком и Ираном, ведь от ситуации в этом регионе зависела безопасность и бесперебойность поставок нефти в страну. С целью защиты свободы навигации постоянный представитель Японии в ООН Курода Мидзуо в мае 1984 г. выступил в Совете Безопасности с призывом не допустить дальнейшей эскалации конфликта и уважать право стран на безопасный проход судов, обращённым как к Ираку и Ирану, так и ко всем другим государствам⁴. В том же месяце премьер-министр Японии Накасонэ Ясухиро (1982-1987) выступил с требованием прекратить экспорт оружия в Ирак и Иран. Однако Токио не был услышан и в итоге предпринял в сентябре 1984 г. самостоятельные шаги по урегулированию конфликта путём проведения двусторонних переговоров с его участниками. Предложение помощи в послевоенном восстановлении в обмен на прекращение военных действий не было принято ни Багдадом, ни Тегераном. Не помогли и дружественные отношения, которые Токио удалось выстроить с обеими странами ещё до войны [Акаха 1986, р. 260].

В начале 1990-х гг. японо-иранские отношения ограничивались лишь оказанием Японией финансовых мер по послевоенному восстановлению Ирана по линии Официальной помощи развитию (далее ОПР). В ответ на стремительно растущий спрос на электроэнергию в Иране Токио в 1994 г. предоставил Тегерану по линии ОПР первый кредит на строительство гидроэлектростанции Месджеде-Сoleyман на реке Харун в провинции Хузестан⁵.

После избрания в 1997 г. президента Мохаммада Хатами⁶, умеренного реформатора, Токио начал стремиться к сближению с Тегераном. Между тем 28 сентября 1999 г. министр нефти ПРИ объявил об обнаружении крупного нефтяного месторождения Азадежан на юго- западе страны.

Стремление Японии к налаживанию отношений с Тегераном символизировал визит министра иностранных дел Японии

4. Япония была на первом месте по объёму перевозки минеральных ресурсов морским транспортом (18,6 %) [Богатуров 1988, с. 10].

5. Assisting Hydroelectric Power Project in Iran. Signing of an ODA Loan Agreement // Japan International Cooperation Agency (JICA). October 16, 2020. https://www2.jica.go.jp/yen_loan/pdf/en/4931/20001026.pdf (дата обращения: 10.07.2021).

6. Хатами выступал с позиций «либерального мусульманина»: он подхватил концепцию столкновения цивилизаций С. Хантингтона и выдвинул свою парадигму межкультурного диалога, основанную на мирном сосуществовании и равенстве народов и государств. Его призыв к примирению был расценён на Западе как сигнал к началу новых отношений. См.: Кулагин И.В. Диалог цивилизаций в Иране: Мохаммад Хатами // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2014. № 1. С. 134.

Комура Масахико в Иран в августе 1999 г, за которым последовало возобновление иенowych займов. В последующие месяцы и годы японо-иранские отношения развивались в ускоренном темпе. Упустив концессию на разработку нефтяного месторождения в Саудовской Аравии, Министерство внешней торговли и промышленности Японии стало рассматривать Иран как подходящую альтернативу. В ноябре 2000 г. с официальным визитом Токио посетил президент ИРИ М. Хатами, который заявил, что Тегеран готов отдать в распоряжение Токио нефтяное месторождение Азадежан недалеко от границы с Ираком⁷. После переговоров между главой МВТП Хиранума Такэо и министром нефти Ирана Бижаном Зангане к проекту присоединилась Японская национальная корпорация по нефти, газу и металлам (JOGMEC). В 2001 г. Т. Хиранума посетил Тегеран в составе делегации из представителей японских бизнес-кругов, заинтересованных в продвижении на иранский рынок. В конце того же года обе стороны, удовлетворённые таким стремительным расширением сотрудничества, подписали финальное соглашение по нефтяному месторождению Азадежан [Репп 2005, р. 1-3]. Предполагаемое обнаружение тайных ядерных объектов в Иране в 2002 г. и обострение в том же году северокорейского ядерного вопроса заставляли Японию сомневаться в выборе собственного вектора ближневосточной политики - перед ней гораздо более остро встал вопрос обеспечения военной безопасности. В 2005 г. президентом страны стал консерватор Махмуд Ахмадинежад (2005-2013), чья антиамериканская позиция и давление со стороны США вынудили Японию сократить к 2012 г. импорт иранской нефти на 40%.

В 2006 г. в ходе нового витка кризиса вокруг иранской ядерной программы Япония как страна-председатель Совета управляющих Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) попыталась способствовать его урегулированию. С одной стороны, Токио предпринял шаги, чтобы убедить Тегеран отказаться от ядерных исследований, с другой - попытался выступить против введения антииранских санкций в Совете безопасности ООН⁸. В итоге Япония была вынуждена по

7. Азадежан является самым крупным месторождением из открытых за последние 30 лет на территории не только Ирана, но и других стран Ближнего и Среднего Востока.

8. Japan intends to mediate Iran nuclear crisis settlement // Tehran Times. January 16, 2006. <https://www.tehrantimes.com/print/110063/Japan-intends-to-mediate-Iran-nuclear-crisis-settlement> (дата обращения: 03.07.2021).

собственной воле выйти из соглашения по Азадежану [Репп 2005, р. 10-11].

Несмотря на политическую слабость и переменчивость японо-иранских отношений, страны регулярно оказывали друг другу помощь в ликвидации последствий стихийных бедствий. В 2003 г. Япония отправила Команду помощи пострадавшим от стихийных бедствий в иранский город Бам, который пережил землетрясение, унёсшее жизни 35 тыс. человек. Кроме того, Япония предоставила помощь в размере 320 тыс. долл. США на предметы первой необходимости (палатки, одеяла, электрогенераторы и др.). Также Японское агентство международного сотрудничества помогло восстановить поставки питьевой воды жителям Бама и Бравата. В 2006 г. иранскую провинцию Лорестан поразила серия землетрясений, в результате которой были разрушены 330 деревень и 15 тыс. домов. По просьбе иранского правительства Япония выделила 85 тыс. долл. США на экстренную помощь пострадавшим⁹. В 2011 г. Япония сама столкнулась с девятибалльным землетрясением, в ликвидации последствий которого Иран оказал ей посильную помощь. В следующем 2012 г. Япония также не осталась в стороне от сейсмической катастрофы с эпицентром на северо-западе Азербайджана, оказав гуманитарную и материальную помощь ИРИ объёмом 18 млн иен (около 225 тыс. долл. США)¹⁰.

Таким образом, у Японии и Ирана был огромный задел на установление прочного партнёрства, однако его реализацию затруднили нестабильная ситуация в регионе в связи с ирано-иракской войной, разгоравшиеся один за другим кризисы, связанные с ядерной программой Ирана, а также сложные ирано-американские отношения, которые приводили к давлению на Японию со стороны США по иранскому вопросу.

9. Activities in Iran. Emergency Disaster Relief // Japan International Cooperation Agency (JICA). <https://www.jica.go.jp/iran/english/activities/activity06.html> (дата обращения: 17.08.2021).

10. [Чрезвычайная помощь в связи с ущербом от землетрясения на северо-западе Ирана (решение о поставках)] // Министерство иностранных дел Японии: официальный сайт. 20 августа 2012 г. https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/release/24/8/0820_01.html (дата обращения: 06.07.2021).

Современное состояние и перспективы развития японо-иранских отношений (2015-2021 гг.)

В 2015 г. премьер-министр Японии Абэ Синдзо провозгласил новую политику на Ближнем Востоке. Она была обозначена в его выступлении 18 января 2015 г. под названием тю:ё: га сайдзэн : кацурёку ни митита антэй сита тю:то: э («На пути к “золотой середине” – к динамичному и стабильному Ближнему Востоку») в ходе визита японского премьера в Египет¹. Прежде всего, новый курс подразумевал многопрофильность отношений со странами региона, т.е. их выход за рамки исключительно экономической повестки и более глубокое вовлечение Японии в дела этих стран на всех уровнях, особенно в области политики и безопасности.

Новый курс Токио практически совпал по времени с подписанием Ираном Совместного всеобъемлющего плана действий (далее СВПД) относительно его ядерной программы, в соответствии с которым ИРИ согласилась на ограничения по ядерной программе в обмен на ослабление экономических санкций. Это открыло для Японии и японского бизнеса возможность развивать с ИРИ полноценные отношения. В связи с этим в октябре 2015 г. Тегеран посетил министр иностранных дел Японии Кисида Фумио. На встрече с иранским коллегой Мохаммадом Джавадом Зарифом была подчёркнута необходимость расширения взаимодействия на разных направлениях и выдвинута идея создания Японо-иранского совета по сотрудничеству¹² в дополнение к проходившему одиннадцатый год подряд Японоиранскому диалогу по правам человека, направленному на обеспечение сотрудничества обеих стран в международных правозащитных организациях.

В феврале 2016 г. было подписано японо-иранское двустороннее соглашение о сотрудничестве в сфере инвестиций, направленное на прекращение дискриминационных практик в отношении национальных компаний, осуществляющих

11. Japan-Egypt Relations. Speech by Prime Minister Abe “The Best Way Is to Go in the Middle” // Ministry of Foreign Affairs of Japan. January 18, 2015. https://www.mofa.go.jp/mofaj/me_a/me1/eg/page24_000392.html (дата обращения: 10.04.2021).

12. [Встреча министров иностранных дел Японии и Ирана, рабочий ланч] // Министерство иностранных дел Японии: официальный сайт. 13 октября 2015 г. https://www.mofa.go.jp/mofaj/me_a/me2/ir/page4_001453.html (дата обращения: 11.07.2021).

деятельность в стране- партнёре. Японские компании высоко оценили этот шаг, призванный помочь им вернуться на иранский рынок для реализации крупных проектов. Однако в то же время им приходилось соблюдать оставшиеся санкционные ограничения в отношении Ирана¹³ - в противном случае они могли быть оштрафованы американскими регуляторами. Уже был прецедент, когда японский банк MUFG в 2012 г. был вынужден выплатить Министерству финансов США штраф в размере 8,6 млн долл. США за продолжение сотрудничества с ИРИ в обход санкций. Таким образом, необходимость проявлять осторожность в вопросах сотрудничества с Ираном создавала для японского бизнеса психологические препятствия, связанные с осознанием реальной угрозы финансовых потерь [Nukii 2018, p. 216-218].

В контексте СВПД между Токио и Тегераном было запущено сотрудничество в области ядерной энергетики. Япония, обладавшая необходимым научно-техническим потенциалом в сфере ядерной энергетики и получившая опыт ликвидации последствий аварии на АЭС «Фукусима-1» в марте 2011 г., пообещала Ирану предоставить специалистов в сфере ядерной безопасности для поддержки страны в выполнении условий ядерной сделки [Nukii 2018, p. 221-222].

Для Японии, кроме того, большую роль играла связь между иранской и северокорейской ядерной проблемой. В США были обнародованы данные о том, что со времён ирано-иракской войны 1980-х гг. Иран сотрудничал с КНДР в области разработок баллистических ракет и что Иран, возможно, был одним из покупателей северокорейских технологий и даже первым реципиентом ракет средней дальности КНДР «Нодой-1» (северокорейское название - «Хвасон-7»)¹⁴. В 2006 г. Верховный главнокомандующий Корпуса стражей исламской революции впервые публично признал покупку северокорейских ракет в 1980-х гг. и заявил, что ИРИ больше не нуждается в помощи северокорейцев¹⁵. На встрече глав МИД Японии и Ирана в Нью-Йорке в апреле 2015 г. японский министр иностранных дел Ф.

13. Iran Sanctions // Congressional Research Service. <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RS20871.pdf> (датаобращения: 11.07.2021).

14. Iran's Ballistic Missile and Space Launch Programs // Congressional Research Service. December 6, 2012.P. 46. <https://fas.org/sgp/crs/nuke/R42849.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

15. Iran-North Korea-Syria Ballistic Missile and Nuclear Cooperation // Congressional Research Service Report. 2016. February 16. P. 4. <https://fas.org/sgp/crs/nuke/R43480.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

Кисида призвал своего иранского коллегу М.Д. Зарифа прекратить военное сотрудничество с КНДР¹⁶.

В 2018 г. президент США Дональд Трамп принял решение о выходе страны из ядерной сделки, полагая, что Иран не выполняет свои обязательства по СВПД. Отношения между двумя странами начали стремительно ухудшаться, а в январе 2020 г. американской ракетой в Багдаде был убит иранский генерал Касем Сулеймани¹⁷.

В 2019 г. премьер-министр Японии С. Абэ с целью недопущения эскалации ситуации в Персидском заливе выступил с инициативой о посредничестве в американо-иранском конфликте вокруг предполагаемых нарушений Тегераном положений СВПД. После переговоров с президентом США Д. Трампом, прошедших в Токио 25 мая 2019 г., премьер-министр Абэ впервые за 41 год нанёс 12-14 июня 2019 г. визит в Тегеран, где встретился с президентом страны Хасаном Роухани¹⁸. Базовая позиция Японии состояла в следующих пунктах: 1) мир и стабильность на Ближнем Востоке необходимы для мира и процветания во всём мире, военный конфликт никому не выгоден; 2) Япония призывает Иран предпринять конструктивные шаги для снижения напряжённости в регионе; 3) Япония придерживается достигнутого в 2015 г. соглашения и призывает Иран не отказываться от соблюдения его условий.

В свою очередь, с иранской стороны были озвучены следующие моменты позиции Тегерана: 1) главная причина роста напряжённости в регионе - это «экономическая война, которую ведут Соединённые Штаты против иранского народа»; 2) Иран не станет первым развязывать войну, но в случае подобной эскалации будет действовать решительно; 3) ИРИ требует отмены экономических санкций и снятия эмбарго на иранскую нефть; 4) Иран не намерен производить, иметь или использовать ядерное оружие¹⁹.

16. [Встреча глав МИД Японии и Ирана] // Министерство иностранных дел Японии: официальный сайт. 28 июля 2015 г. https://www.mofa.go.jp/mofaj/me_a/me2/ir/page24_000436.html (дата обращения: 11.08.2021).

17. Why U.S.-Iran Tensions Are Rising as Trump's Term Ends // The Washington Post. January 12, 2020. https://www.washingtonpost.com/business/energy/why-us-iran-tensions-are-rising-as-trumps-termends/2021/01/11/d0e662ca-5434-11eb-acc5-92d2819a1ccb_story.html (дата обращения: 11.04.2021).

18. [Визит премьер-министра Японии Синдзо Абэ в Иран] // Министерство иностранных дел Японии: официальный сайт. 13 июня 2019 г. https://www.mofa.go.jp/mofaj/me_a/me2/ir/page3_002775.html (дата обращения: 11.08.2021).

19. [Визит премьер-министра Абэ в Иран: итоги. (Дискуссия и разбор актуальной повестки)] // NHK. 14 июня 2019 г. <https://www.nhk.or.jp/kaisetsu-blog/100/369643.html> (дата обращения: 12.07.2021).

По итогам встречи премьер-министр Японии дал высокую оценку стремлению иранского лидера к обеспечению мира и стабильности²⁰. Вероятно, главным намерением С. Абэ было убедиться в том, что Иран «не хочет войны», и донести этот послыл Соединённым Штатам, а также показать то значение, которое Япония придаёт двусторонним отношениям с Ираном. Миссию мог ждать успех, если бы не инцидент, произошедший 13 июня, во время визита С. Абэ в Иран. На двух проходивших через Ормузский пролив нефтяных танкерах, один из которых был арендован японской транспортной компанией Кокука Сангё, произошли взрывы. Японская сторона настаивала на попадании двух снарядов в судно, хотя версии других стран указывали на торпедную атаку²¹. В нападении США обвинили Иран.

С учётом инцидента с танкером кабинет министров Японии в качестве необходимой меры для обеспечения безопасности судов, имеющих прямое или косвенное отношение к Японии²², принял решение об отправке в зону Оманского залива миссии Сил самообороны Японии, состоящей из ракетного эсминца и двух патрульных самолётов для сбора разведывательных данных. Зона патрулирования японских военнослужащих включала Оманский залив, северную часть Аравийского моря и Аденский залив к востоку от Баб-эль-Мандебского пролива (включая ИЭЗ прибрежных государств). Примечательно, что Япония организовала свою операцию, отказавшись от предложения США присоединиться к операции коалиционных сил в Ормузском проливе и Персидском заливе. По информации, размещённой на сайте Министерства обороны Японии, у этого были свои причины: 1) судоходство японских судов в акватории Ормузского пролива и Персидского залива проходит в территориальных водах прибрежных государств (Оман, Иран), и за их безопасность должны отвечать соответствующие государства; 2) сбор разведданных в этих водах может стать нарушением принятых конвенций; 3) необходимую Японии информацию по

20. [«Нет намерения применять ядерное оружие». Премьер-министр Японии встретился с Верховным лидером Ирана] // Асахи Симбун. 13 июня 2019 г. <https://www.asahi.com/articles/ASM6F5K0WM6FULFA02J.html> (дата обращения: 12.07.2021).

21. [Глава Кокука Сангё: «моряки стали свидетелями атаки с воздуха», «немыслимо», что для атаки на танкеры в Ормузском проливе использовались торпеды] // Санкэй Симбун. 14 июня 2019 г. <https://www.sankei.com/article/20190614-TWDPSTAZNJLDENJP3MVBVBNF4M/> (дата обращения: 12.07.2021).

22. Имеются в виду японские суда под национальными флагами; суда под иностранными флагами и с японскими гражданами на борту; суда под иностранными флагами и с японским грузом на борту и т.д.

безопасности в этих водах предполагается запрашивать непосредственно у Соединённых Штатов и их союзников²³. Впрочем, первопричиной японского отказа можно назвать нежелание портить хорошие отношения с Ираном.

С началом пандемии коронавируса в начале 2020 г. Иран оказался в непростой ситуации, так как правительству никак не удавалось взять под контроль заболеваемость в стране. Японское правительство приняло решение оказать экстренную помощь ИРИ, предоставив через международные организации помощь в размере 27,5 млн долл. США на покупку медицинского оборудования, предметов первой необходимости и т.д.²⁴ Уже в июле 2021 г. Токио также поставил три миллиона доз вакцин против COVID-19, произведённых компанией AstraZeneca в Японии²⁵. Заместитель министра иностранных дел ИРИ по политическим вопросам Аббас Аракчи в своём микроблоге в социальной сети Twitter поблагодарил на японском языке Японию и японский народ за оказанную помощь²⁶.

В начале августа 2021 г. новым президентом ИРИ стал ультраконсерватор Ибрахим Ранен. Несмотря на свою жёсткую позицию в отношении США, он высказал намерение добиться ослабления американских санкций. Газета The Japan Times со ссылкой на дипломатические источники писала, что в иранском правительстве даже звучали предложения попросить Японию выступить посредником во второй раз²⁷. Санкции США наносили всё больший ущерб экономике Ирана, и Тегеран возлагал большие надежды на Японию как союзника США, поскольку напрямую с Вашингтоном вести диалог ему было затруднительно.

На фоне этих событий в конце августа 2021 г. с официальным визитом в Тегеран прибыл министр иностранных дел Японии

23. Information Gathering Activities by the SDF in the Middle East // Ministry of Defense of Japan. https://www.mod.go.jp/en/d_architecture/m_east/index.html (дата обращения: 11.04.2021).

24. Japan's Emergency Assistance to Iran for Prevention of Further Spread of the Novel Coronavirus (COVID-19) Infection in Iran // Embassy of Japan in Iran. <https://www.ir.emb-japan.go.jp/files/100103927.pdf> (дата обращения: 03.08.2021).

25. Government of Japan supports Islamic Republic of Iran with US\$ 6.3 million grant to strengthen national capacity against COVID-19 // World Health Organization. 2021. October 26. <https://www.emro.who.int/iran/news/government-of-japan-supports-islamic-republic-of-iran-with-us-63-million-grant-to-strengthen-national-capacity-against-covid-19.html> (дата обращения: 03.08.2021).

26. Iran thanks Japan for Covid Vaccines // TEHRAN TIMES. 2021. July 24. <https://www.tehrantimes.com/news/463365/Iran-thanks-Japan-for-Covid-vaccines> (дата обращения: 03.08.2021).

27. Japan foreign minister planning talks with new Iran president on Sunday // The Japan Times. August 21, 2021. <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/08/21/national/politics-diplomacy/japan-foreign-minister-iran-president/> (дата обращения: 03.08.2021).

Мотэги Тосимицу. На встрече с Мотэги иранский президент призвал Японию к разморозке иранских средств в японских банках на сумму более 1,5 млрд долл. США, полученных в основном от экспорта нефти и газа. По словам И. Раиси, «учитывая позитивный характер отношений между двумя странами, любая задержка в разблокировании средств является необоснованной»²⁸. Японский министр в свою очередь выразил надежду на соблюдение Ираном ядерного соглашения 2015 г.²⁹. Стороны также обсудили ситуацию в Афганистане, который стал важным пунктом переговоров, так как Иран, как предполагалось, поддерживает тесные связи с движением Талибан, захватившим власть в стране 15 августа. Япония подтвердила свою приверженность дипломатическому урегулированию ситуации в Афганистане.

Визит Мотэги означал и определённый сигнал в адрес Пекина, чьё влияние на Ближнем Востоке стремительно росло на фоне резко негативного отношения к результатам политики президента США Д. Трампа. Уместно вспомнить, что ПРИ и КНР заключили в марте 2021 г. соглашение о всестороннем сотрудничестве сроком на 25 лет, которое включает в себя не только укрепление экономических отношений, но и расширение стратегических связей. На этом фоне Токио продемонстрировал, что и он является в регионе желанным партнёром, способным составить Китаю конкуренцию за влияние.

С началом СВО на Украине 24 февраля 2022 г. кабинет Ф. Кисиды занял проамериканскую позицию по отношению к России. Антироссийская санкционная кампания, проводившаяся США и их союзниками, подтолкнула Иран, Россию и Китай к взаимному сближению. Как отмечал работающий в Тегеране японский дипломат Суми Дзюнъити, Иран в настоящее время «тяготеет к Востоку» (т.е. к России и Китаю) с целью борьбы с Соединёнными Штатами, которые, как заявлял верховный лидер Ирана в марте 2022 г., «создают на планете кризисную ситуацию»³⁰.

28. Iran urges Japan to release billions in blocked funds amid U.S. sanctions // Reuters. August 12, 2022. <https://www.reuters.com/world/iran-urges-japan-release-billions-blocked-funds-amid-us-sanctions-2021-08-22> (дата обращения: 22.08.2021).

29. [Встреча министров иностранных дел Японии и Ирана] // Министерство иностранных дел Японии: официальный сайт. 22 августа 2021 г. https://www.mofa.go.jp/mofaj/me_a/me2/ir/page1_001037.html (дата обращения: 22.08.2021).

30. [В условиях противостояния с США: вынужденная позиция Ирана по ситуации на Украине] // Jbpress. 27 апреля 2022 г. <https://jbpress.ismedia.jp/articles/-/69900> (дата обращения: 27.07.2022).

Таким образом, в 2015 г. в политике Японии в отношении Ирана наметился качественный поворот в сторону активизации двусторонних отношений. Однако заключённая в том же году ядерная сделка, равно как и наметившееся «перемирие» Ирана с Америкой, оказались недолговечными. После 2015 г. Япония снова попыталась играть самостоятельную и конструктивную роль в урегулировании ирано-американских противоречий, балансируя между двумя сторонами. Несмотря на видимое отсутствие конкретных результатов этой политики, предпринятые Токио действия положительно отразились на японо-иранских отношениях.

Однако в 2022 г. двусторонние отношения переживали новые испытания, вызванные ростом напряжённости в мире в связи с ситуацией вокруг Украины, когда Япония полностью заняла сторону США и их союзников, а Иран оказался по другую сторону баррикад. Кроме того, ПРИ продолжала находиться под санкционным давлением ввиду отсутствия прогресса в переговорах по новому ядерному соглашению. В результате двусторонние связи вступили в очередной период турбулентности.

Заключение

Специфика японо-иранских отношений состоит в том, что Япония стоит перед хронической дилеммой - необходимостью находить оптимальный баланс между США, связи с которыми носят для неё стратегический характер, и ИРИ - важнейшим для Токио с точки зрения энергетической безопасности партнёром.

Отношения между Японией и Ираном в послевоенный период носили стабильный характер, несмотря на радикальные внутривнутриполитические развороты в Иране (Исламская революция 1979 г., приход к власти в ИРИ в 2005 г. М. Ахмадинежада и т.д.) и внешнеполитические вызовы, связанные с американо-иранским конфликтом (2002 и 2019 г.) и ядерной программой Ирана. Будучи союзником США, Япония всё это время успешно сохраняла дружеские отношения с ИРИ. Этому способствовали отсутствие в регионе негативной исторической памяти в отношении Японии, выгодно отличавшейся от других западных стран своей непринадлежностью к числу стран-колонизаторов, неполитизированность ближневосточной дипломатии Японии, а также наличие у неё азиатской идентичности. Кроме этого, страны связывал взаимный стратегический интерес: Япония

была заинтересована в иранской нефти и расширении своего присутствия в энергетическом секторе Ирана, тогда как Иран нуждался в японских инвестициях и японской технической помощи. Япония также стремилась сдержать растущее влияние Китая на Ближнем Востоке, в планах которого Иран занимает особое место.

Всё это время Япония строила с Ираном экономические отношения, преимущественно завязанные на проекты энергетического сотрудничества. Проводя политику диверсификации поставок энергоресурсов, Токио был исключительно заинтересован в стабильных поставках иранской нефти (хотя объём иранского импорта нефти не превышал в общем объёме импорта и 5 %). На этом фоне Токио вкладывался в проекты по разработке нефтяных месторождений, и в первую очередь Азадежанского, а также в проект строительства нефтехимического завода НРС, возможно, самого крупного в денежном выражении японоиранского экономического проекта.

По сравнению с периодом 2000-х гг., когда Японии приходилось принимать решения на ближневосточном треке в основном под давлением и под влиянием США, с 2015 г. Токио получил существенно большую свободу рук на фоне ослабления ключевых позиций США на Ближнем Востоке и растущего влияния там КНР. События 2019 г. показали, что Япония даже попыталась воспользоваться «особенными», отличными от США, отношениями с ИРИ и сыграть посредническую роль между двумя странами. Токио не поддержал операцию Вашингтона в Ормузском проливе, организовав собственную операцию, напрямую не затрагивающую интересы Ирана, и обозначив тем самым собственные, отличные от США интересы в регионе. Однако общая динамика развития двусторонних связей показывает, что в конечном счёте Японии и Ирану лишь удавалось сохранять статус-кво, а качественных сдвигов в двусторонних отношениях так и не происходило. Несмотря на все новые импульсы к развитию, провозглашённым с обеих сторон инициативам не удавалось реализоваться в полной мере, во многом из-за давления со стороны США. Препятствия (как физические, так и психологические) для этих отношений создавали также конфликтогенный характер самого региона и непредсказуемость ситуации вокруг иранской ядерной программы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арутюнян Е.В. Энергетическая дипломатия Японии в странах Персидского залива в контексте трёх нефтяных кризисов // Ежегодник Япония. 2008. Т. 37. Москва: Ассоциация японоведов. С. 52- 67.

Богатуров А.Д. Японская дипломатия в борьбе за источники энергетического сырья (70-80-е годы). Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988.

Добринская О.А. Японо-иранские отношения: проблемы и перспективы // Восточный альманах. 2021. № 5. М.: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации. С.30-39.